

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гусев А.В. — «Социализм на конной тяге»: сталинская коллективизация деревни в оценках коммунистической оппозиции // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.6.31283
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31283

«Социализм на конной тяге»: сталинская коллективизация деревни в оценках коммунистической оппозиции

Гусев Алексей Викторович

кандидат исторических наук

доцент, кафедра истории общественных движений и политических партий, Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119192, Россия, Москва, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, корпус 4

✉ alexei-gusev@yandex.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

Аннотация.

Статья посвящена исследованию воззрений коммунистической оппозиции («большевиков-ленинцев») во главе с Л.Д. Троцким по вопросам коллективизации сельского хозяйства в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. На основе комплекса источников, включающего недавно обнаруженные рукописи заключенных Верхнеуральского политизолятора, автор показывает, что, хотя оппозиционеры являлись сторонниками производственной кооперации крестьянства и, начиная с середины 20-х гг. требовали усиления ее государственной поддержки, поворот партийного руководства в 1929 г. к политике «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса» встретил со стороны «большевиков-ленинцев» резкую критику. В статье раскрывается содержание этой критики, реконструированы представления оппозиции о причинах и движущих силах сталинской коллективизации, рассмотрен анализ оппозицией ее социально-экономических и политических последствий. Характеризуя альтернативу политике ВКП(б) в деревне, которую выдвигали оппозиционеры, автор показывает, что, вопреки распространенным в историографии представлениям, они не были противниками НЭПа и выступали в конце 20-х – начале 30-х гг. за его восстановление. Позиции «большевиков-ленинцев» по вопросам коллективизации связываются в статье с отрицанием ими концепции «социализма в одной стране», которая служила идеологическим обоснованием сталинского «великого перелома» в деревне.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сплошная коллективизация, Коммунистическая партия, крестьянство, колхоз, коммунистическая оппозиция, большевики-ленинцы, социализм, Троцкий, Сталин

DOI:

10.7256/2454-0609.2019.6.31283

Дата направления в редакцию:

06-11-2019

Дата рецензирования:

07-11-2019

Дата публикации:

11-11-2019

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 19-09-00517 «Антисталинская коммунистическая оппозиция в СССР в начале 1930-х годов».

Одним из центральных аспектов тех широкомасштабных социально-экономических трансформаций конца 1920-х – начала 1930-х гг., которые вошли в историю как «сталинский великий перелом», была «сплошная коллективизация» сельского хозяйства и связанная с ней «ликвидация кулачества как класса». Сам термин «великий перелом», как известно, был введен И.В. Сталиным в оборот в ноябре 1929 года именно как обозначение перехода к массовой коллективизации деревни [\[1, с. 124-135\]](#).

В историографии существует распространенное представление, что эта политика, как и другие аспекты так называемой сталинской революции сверху, являлись, по существу, реализацией идей, заимствованных партийно-государственным руководством у разгромленной к тому времени левой (или «троцкистско-зиновьевской») коммунистической оппозиции. «Сталин, - писал, например, Д.А. Волкогонов, - победив «левую» оппозицию, по сути, взял на вооружение ее радикальную программу и приступил к «революции сверху» [\[2, с. 40\]](#). «Троцкисты с энтузиазмом поддержали «революцию сверху», жалуясь лишь, что Сталин украл у них программу», - говорится в книге «История России. XX век: 1894-1939» под ред. А.Б. Зубова [\[3, с. 859\]](#). Однако подобные заключения носят обычно априорный характер, не сопровождаясь рассмотрением взглядов самих оппозиционеров на социально-экономическую политику конца 20-х – начала 30-х гг. и, в частности, на коллективизацию сельского хозяйства. Между тем вопрос об их отношении к сталинской коллективизации интересен как с точки зрения изучения доктринальных истоков «великого перелома», так и в плане исследования оппозиционных, альтернативных официальному течений в большевизме, их идеологических и программных установок.

Проблема производственного кооперирования крестьянства возникла во внутрипартийных дебатах в Коммунистической партии еще в первой половине – середине 20-х гг. – в полемике между ведущим экономистом внутрипартийной оппозиции Е.А. Преображенским и главным в то время идеологом ВКП(б) Н.И. Бухариным об экономике переходного периода от капитализма к социализму. Преображенский полагал, что производственная кооперация является одним из важных самостоятельных направлений движения деревни к социализму, параллельным кооперации в сфере обращения [\[4, с. 100-101\]](#). Бухарин возражал на это, что развитие коллективных хозяйств – «дело второстепенное» по сравнению с другими видами кооперации [\[5, с. 94-96, 142\]](#), а на страницах партийного органа журнала «Большевик» в 1925 г. говорилось даже, что

«ставка на колхозы» противоречит ленинизму [\[6, с. 36\]](#). Партийное руководство отвергло предложение об организации колхозов в самостоятельные союзы, рассматривая их исключительно в общей массе сельскохозяйственной кооперации. Как отмечает Э. Карр, «с 1925 г. коллективное сельское хозяйство не получало существенной официальной поддержки» [\[7, с. 176\]](#). С середины 20-х гг. число колхозов в СССР не росло, а, наоборот, сокращалось: если в 1925 г. только в РСФСР и Украине было 21,5 тысяч колхозов, то в 1927 году их осталось менее 15 тысяч по стране в целом [\[7, с. 176\]](#). К 1928 году в производственную кооперацию было вовлечено не более 1,5 % крестьянских хозяйств, которые давали 2% от общего объема сельскохозяйственной продукции [\[8, с. 53; 9, с. 57\]](#). Незадолго до XV съезда ВКП(б), в ноябре 1927 г. Сталин говорил, что к широкомасштабной коллективизации «дело еще не пришло и не скоро придет» [\[10, с. 225\]](#). В решениях XV партсъезда, объявленного позднее «съездом коллективизации», хотя и говорилось об усилении помощи колхозному строительству и созданию совхозов, тоже не было никакой программы перехода к массовой коллективизации.

Внутрипартийная оппозиция во главе с Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым, которая именовала себя оппозицией «большевиков-ленинцев», критиковала «генеральную линию» партии в 1926-1927 гг. за недостаточное внимание к производственному кооперированию деревни. В нелегальной платформе оппозиции, выпущенной перед XV съездом, она требовала увеличения финансовой поддержки развития колхозов и предоставления им максимальных льгот. «Задачей перевода мелкого производства в крупное, коллективное должна быть проникнута вся работа кооперации», - говорилось в платформе [\[11, с. 129-130\]](#).

Поэтому, когда с начала 1928 года, реагируя на кризис государственных хлебозаготовок, партийное руководство СССР взяло курс на реальное ускорение коллективизации, это в целом встретило поддержку со стороны оппозиции. В апреле 1929 г. XVI Всесоюзная партконференция объявила всемерное содействие коллективизации важнейшим направлением политики партии в деревне и одобрила план первой пятилетки, согласно которому предполагалось вовлечь в колхозы 16-18% крестьянских хозяйств [\[12, с. 301; 13, с. 10\]](#). В тезисах, принятых вскоре после этого действовавшим в подполье Всесоюзным центром большевиков-ленинцев, отмечалось, что эти решения партконференции «почти буквально списаны» с оппозиционной платформы, и это составляет «величайшую идейную победу» оппозиции [\[14, л. 57-58\]](#). По словам Троцкого, правящий аппарат вынужден был «превратить в официальные цифры те ереси, которые вчера назывались "троцкизмом"» [\[15, с. 3\]](#). Такой «левый поворот» сталинской политики оппозиционеры объясняли в значительной степени давлением на партийную верхушку снизу, со стороны рабочего класса и оппозиции.

Этот «левый поворот» вызвал в рядах оппозиции, к тому времени уже исключенной из партии и вынужденной полностью перейти на нелегальное положение, глубокий кризис. Сочтя, что линия ВКП(б) серьезно выправилась, многие оппозиционеры, включая большинство их лидеров, решили прекратить оппозиционную деятельность и примириться с партией, признав правоту ее руководства. Если сразу после XV съезда оппозиция располагала примерно шестью тысячами активных сторонников, то к концу 1929 года ее численность сократилась в несколько раз. По оценке одного из лидеров «большевиков-ленинцев» Х.Г. Раковского, численность оппозиционеров, находившихся в ссылках и «политических изоляторах», составила около 800 человек [\[16, с. 100\]](#).

Однако непримиримая часть «большевиков-ленинцев» категорически отвергала, как они

выражались, путь «капитуляции перед сталинизмом». С их точки зрения, «левый зигзаг» партийной верхушки не мог изменить характер существующего авторитарно-бюрократического режима. Они указывали не только на продолжение, даже ужесточение репрессий против оппозиции и наступление власти на права и материальное положение рабочих, но и на глубокие пороки сталинской политики в деревне.

Первоначально, уже с середины 1928 года, резкой критике оппозиционеров подвергались грубо-административные методы этой политики; в том числе, попытки «в ударном порядке» создавать колхозы, разверстывать их количество по районам, не считаясь ни с желанием крестьян, ни с наличием технических средств. В этом, как и в «классовой неразборчивости» при проведении чрезвычайных хлебозаготовительных мер в деревне, ударяющих не только по кулакам, но и по всему крестьянству, «большевики-ленинцы» видели очередное проявление деструктивного «сталинского бюрократизма» [\[17, с. 17\]](#).

Когда в конце 1929 года Сталин объявил о «великом переломе», переходе к «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса», а ЦК ВКП(б) в январе 1930 года постановил провести полную коллективизацию в основных зерновых районах страны в течение ближайшего года, Троцкий и его сторонники сразу же оценили это как «грубейшее отклонение от социализма», авантюризм и безумие [\[18, с. 2-3; 19, с. 12\]](#). Теперь уже они не хотели признавать себя вдохновителями проводимой политики, в которой видели злостную карикатуру на свои предложения.

В статье «Экономический авантюризм и его опасности», опубликованной в издававшемся Троцким в эмиграции «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)», он писал, что попытки повсеместного насаждения колхозов абсолютно не согласованы с действительным уровнем развития производительных сил деревни. Крупное коллективное хозяйство может строиться лишь на базе механизации, использования тракторов, комбайнов и других сложных машин. Если же создавать колхозы на основе примитивного крестьянского инвентаря, то смогут получиться только искусственные образования, нерациональные и экономически неэффективные. Сталинскую коллективизацию Троцкий называл «экономическим платонизмом», так как она базировалась не на реальных тракторах (их в 1929 году не приходилось и одного на 20 колхозов), а на «образе», «идее» будущих тракторов. Даже в случае выполнения всех промышленных планов, писал он, к концу пятилетки трактора смогут обслужить лишь около 1/5 крестьянских хозяйств – это и есть максимальный предел экономически обоснованной коллективизации. Но и к одним только тракторам дело не сводится: нужно горючее, нужно снабжение им гигантских территорий, нужен, наконец, высокий уровень технической и общей культуры. Все это – дело длительной перспективы, а потому декретирование конкретных сроков всеобщей коллективизации в ближайшее время – «величайшая экономическая нелепость». И лидер оппозиции резюмировал: «Из крестьянских сох и крестьянских кляч, хотя бы и объединенных, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из суммы рабочих лодок нельзя сделать парохода» [\[18, с. 3\]](#).

Наряду с экономической нецелесообразностью «сплошной коллективизации», оппозиционеры подчеркивали и резко критиковали ее недобровольный, принудительный характер. Сталинский тезис о внезапно проснувшейся в широких крестьянских массах тяге в колхозы «большевики-ленинцы» отбрасывали как смехотворный. Троцкий объяснял массовые масштабы коллективизации прежде всего последствиями административной ликвидации НЭПа. Фактически уничтожив рынок как форму связи между городом и деревней, правительство загнало крестьян в тупик, оставив им лишь

один выход – вступление в колхоз. О вынужденном характере такого вступления ярче всего свидетельствовал массовый убой крестьянами перед этим своего скота. Это Троцкий называл «тихой саботажной формой гражданской войны», которой крестьянство отвечает на форсированную коллективизацию [\[20, с. 13\]](#).

Вместе с тем Троцкий готов был допустить, что государственное насилие представляло собой лишь один из факторов, побуждавших крестьян идти в колхозы. Другим фактором он считал стихийный поиск крестьянством какого-то выхода из тяжелого положения, связанного с «предельной парцелляцией» земли в результате многолетнего дробления земельных участков [\[21, с. 5\]](#).

Но если находившийся в Константинополе Троцкий не хотел признавать насилие единственной движущей силой сталинской коллективизации, то ссыльные «большевики-ленинцы» в своих корреспонденциях из СССР, которые регулярно публиковались в «Бюллетене оппозиции», описывали насилие и только насилие над крестьянством. Сосланные непосредственно в районы «сплошной коллективизации», они имели возможность вплотную наблюдать методы ее проведения и отчетливо видели, как говорилось в письме одного из них, что она в принципе «исключала всякую добровольность» [\[22, с. 32\]](#). Как писал в «Бюллетень оппозиции» тайно симпатизировавший оппозиции рабочий, посланный в деревню в составе «двадцатипяти тысячников»: «Если говорить про действительно убежденных в необходимости объединения для коллективного хозяйничанья, то вряд ли в новых артелях таковые имеются» [\[23, с. 15\]](#).

Были случаи, когда оппозиционеры в местах своей ссылки прямо пытались протестовать против конкретных проявлений принуждения при создании колхозов. Так, один из лидеров радикального крыла коммунистической оппозиции – «демократических централистов» В.М. Смирнов, отбывавший ссылку в сибирском селе Суэрское, по воспоминаниям его товарища по ссылке Г.И. Григорова, сорвал собрание, на котором приехавший из города партийный функционер, член Тюменского горкома, пытался заставить крестьян согласиться на вступление в колхоз. В ответ на угрозы чиновника «переделать на ваку» несговорчивых крестьян Смирнов произнес резкую речь против такого рода «жандармских методов» и демонстративно ушел с собрания, а за ним разошлись и присутствующие крестьяне. Вскоре Смирнов был в очередной раз арестован [\[24, с. 142-145\]](#).

Констатируя принудительный характер сплошной коллективизации, оппозиционеры с самого начала прогнозировали, что крестьяне будут в массовом порядке стараться бежать из колхозов в города. Х.Г. Раковский предсказывал в этой связи в 1930 году разработку властями законодательства, юридически привязывающего крестьян к колхозам. Может, писал Раковский, дойти до того, что милиция станет «ловить на улицах беглецов и водворять их на место жительства». Главный партийный эксперт по борьбе с оппозициями Е.М. Ярославский приводил тогда эти слова на страницах журнала «Большевик» как пример троцкистской клеветы на политику ВКП(б), которая может будто бы довести до «мрачной картины крепостнических отношений» [\[25, с. 19\]](#). Однако уже спустя два года то, что отвергалось как «клеветнические измышления», стало фактом: в СССР была введена паспортная система, вследствие чего крестьяне, которым паспорта не полагались, были лишены свободы перемещения.

Аналогии между сталинским колхозным строем и старым крепостничеством действительно были очевидны. Сам Троцкий их отвергал, исходя из своего двойственного

представления об СССР как о переродившемся, но все же «рабочем» государстве, деформированной диктатуре пролетариата. Но часть «большевиков-ленинцев» прямо использовала их в своем анализе советской социально-экономической системы. Об этом говорят, в частности, документы, обнаруженные в 2018 г. в тайнике в здании Верхнеуральской тюрьмы, где в 30-е гг. располагался «политический изолятор» и находилась в заключении значительная группа коммунистов-оппозиционеров. Эти уникальные «Тетради Верхнеуральского политического изолятора» [\[26, с. 177-194\]](#) представляют собой рукописные журналы, которые выпускались заключенными «большевиками-ленинцами», и другие их материалы. Среди них – датированный 1933 годом «Проект тезисов по экономполитике», авторы которого обозначены в рукописи как Ф. С-ОВ и А.Г. Ф. С-ОВ – это, очевидно, заключенный политизолятора Ф.П. Сасоров, экономист-агроном, ведущий оппозиционный специалист по сельскому хозяйству. «Весь колхозный строй, - говорится в тезисах, - сейчас есть не что иное, как видоизмененное крепостническое устройство, но только с более усовершенствованными методами эксплуатации крестьян, только с большим экономическим и политическим закабалением всей деревни». Буржуазно-демократические завоевания Российской революции, продолжают авторы документа, сталинской политикой уничтожены. Положение крестьянства в СССР хуже не только, чем до 1917 года, но и чем до 1861 года.

Данная в тезисах характеристика положения в деревне, охваченной в 1932-1933 гг. массовым голодом, отличается предельной резкостью:

«Повсеместным стало явление, когда крестьян, не выполняющих грабительских налогов, обрекающих их на разорение и вымирание, лишают не только полевой, но и приусадебной земли, тысячами расстреливают. Сотни тысяч гноят по тюрьмам и ссылают на каторжные работы. Ни один строй в мире так не истреблял и не разорял крестьян, как сталинская бюрократия. Ни при каком крепостническом режиме тяжесть налогового обложения не была столь высока, сколь высока она теперь. Крестьянство многих обширнейших и богатых ранее областей не только разорено дотла, но оно вымирает сейчас в массовом размере. Политический террор по отношению ко всей деревне достиг ранее небывалой высоты» [\[27\]](#).

Именно стремление правящей бюрократии к созданию наиболее эффективного механизма эксплуатации деревни, а не стремление ускорить переход к социализму, лежали, по мнению авторов тезисов, в основе сталинской коллективизации. Колхозы и совхозы они определяют как средство «изъятия максимального количества средств и сельскохозяйственной продукции из деревни» [\[27\]](#).

Но наращивание государственных заготовок сельскохозяйственной продукции в начале 30-х гг. оказалось оплачено ценой разорения и деградации сельского хозяйства СССР. На это указывалось не только в упомянутых тезисах, но и в других документах оппозиции большевиков-ленинцев, статьях Троцкого и публикациях других авторов в «Бюллетене оппозиции». Один из видных представителей молодого поколения оппозиционеров, историк и экономист Ф.И. Дингельштедт писал, что «сплошная коллективизация, проводимая методами пришибеевых, ввергла народное хозяйство в состояние небывалой разрухи: точно прокатилась трехлетняя война, захватившая целые села, районы и округа» [\[28, с. 18\]](#). По данным, приводимым в «Тезисах по экономполитике», поголовье скота в СССР сократилось с 1928 по 1933 годы на 2/3, а по стоимости – на 3/4; в результате в расчете на душу населения скота оказалось меньше, чем в 1922 году [\[27\]](#).

Такая ситуация в животноводстве явилась следствием как массового убоя скота

крестьянами, так и плохого ухода за скотом в колхозах и совхозах. В платформе «большевиков-ленинцев» «Кризис революции и задачи пролетариата», составленной в 1932 г. в Верхнеуральском политизоляторе, животноводческие совхозы прямо именовались «скотомогильниками» [\[29\]](#).

В земледелии результатом коллективизации стало сокращение урожайности и валового сбора зерновых, несмотря на увеличение посевных площадей. Это, по мнению оппозиционеров, было непосредственным свидетельством очень низкой производительности труда в колхозах, которая существенно уступала производительности индивидуальных крестьянских хозяйств. Как отмечалось в платформе «Кризис революции и задачи пролетариата», для коллективизированных крестьян ликвидированы все производственные стимулы [\[29\]](#). Не имея стимула к труду, говорилось на страницах «Бюллетеня оппозиции», колхозник «плохо сеет, еще хуже убирает и при первой возможности "утекает" из колхоза» [\[30, с. 22\]](#). «Сплошная коллективизация, - констатировал в 1932 году Троцкий, - привела к сплошным сорнякам на полях» [\[31, с. 6\]](#).

Но если Троцкий все же усматривал во всеобщей коллективизации – несмотря на все экономические и политические издержки, ошибки и преступления, - какие-то элементы «исторического прогресса» [\[21, с. 3\]](#), то «большевики-ленинцы» в СССР в начале 30-х гг. видели в ней, как говорилось в верхнеуральских «Тезисах по экономполитике», только путь к «неизбежному народнохозяйственному регрессу». Рост промышленности, достигаемый путем разорения сельского хозяйства, считали они, не может быть устойчивым, это имманентно сопряжено с нарастанием экономических диспропорций, которое делает неизбежными новыми кризисы в будущем.

Какой же выход из сложившейся ситуации предлагала коммунистическая оппозиция? Какую альтернативу противопоставляла она сталинской коллективизации?

Общую позицию «большевиков-ленинцев» выразил в 1930 году «Бюллетень оппозиции», в одной из публикаций которого говорилось: «Административному "введению" социализма в деревне "на конной тяге" должен быть положен конец... Лозунг раскулачивания должен быть осужден как авантюристский» [\[32, с. 16\]](#).

Все оппозиционеры сходились на том, что колхозы должны быть объявлены добровольными объединениями – и если они начнут распадаться, искусственно сдерживать этот распад не следует. Но тем колхозам и совхозам, которые покажут свою жизнеспособность, нужно будет – после их демократической перестройки в соответствии с желаниями колхозников – оказывать поддержку. В дальнейшем коллективизация должна развиваться в строгом соответствии с механизацией сельского хозяйства и исключительно на добровольных началах. В отношениях между городом и деревней нужно восстановить принципы рыночного обмена, то есть, по выражению одного из лидеров «большевиков-ленинцев» М.С. Невельсона, вернуться к «честному, испытанному ленинскому НЭПу, помогающему дождаться прихода мировой революции» [\[33, л. 201\]](#). Дальнейшее движение к социализму должно было, по мнению оппозиционеров, вести не к упразднению НЭПа, а к постепенному видоизменению его форм и методов.

Можно отметить высокую степень сходства между этой программой и той, которая содержалась в известной «Рютинской платформе» 1932 года – программном документе Союза марксистов-ленинцев «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» [\[34, с. 334-443\]](#). Это говорит о том, что сталинский «великий перелом» привел к сближению всех прежних

течений коммунистической оппозиции – и левых, представленных «большевиками-ленинцами», и так называемых «правых», объединившихся вокруг М.Н. Рютина (хотя в его группу входили и бывшие троцкисты). Неслучайно в 1932 году между представителями всех основных оппозиционных коммунистических течений и групп велись переговоры о создании подпольного антисталинского блока – и его образование было одобрено из-за границы Троцким (правда, приступить к практической деятельности блок не успел из-за новой волны репрессий) [\[35, с. 176-186\]](#).

Но часть «большевиков-ленинцев» была настроена радикальнее рютинцев. Если последние фиксировали внимание на критике Сталина, которого считали узурпатором власти, то «большевики-ленинцы» считали, что Сталин – это лишь часть проблемы. Главное зло – не лично генсек, а правящая сталинская бюрократия, тот социальный слой, на который он опирается и который превратился в субъект тирании и эксплуатации. И бороться, следовательно, надо не только за свержение генсека и «головки партаппарата», а за смену всего режима и восстановление уничтоженной сталинизмом диктатуры пролетариата, т.е. «рабочей демократии». Если рютинцы оставляли вопрос о методах борьбы открытым, то, например, в верхнеуральских «Тезисах по экономполитике» говорилось, что революционные выступления рабочего класса в городах должны сомкнуться с массовым движением крестьянства и свергнуть «бюрократическое самодержавие». Задача пролетарского авангарда в лице «большевиков-ленинцев» – возглавить, как и в 1917 году, борьбу блока рабочих и крестьян против общего «врага в Кремле» [\[27\]](#).

Таким образом, будучи принципиальными сторонниками производственной кооперации крестьянства и ее поддержки государством, коммунистическая оппозиция, в то же время отвергала с самого начала сталинскую политику «сплошной коллективизации» и административной «ликвидации кулачества». При этом она исходила из традиционного марксистского представления о том, что новые формы собственности могут строиться лишь на базе новых производственных отношений, а они, в свою очередь, формируются в результате развития производительных сил. Сталинский «великий перелом» ставил этот процесс с ног на голову – сначала по приказу сверху пытались создать новые формы организации сельской экономики, а потом уже подвести под них материальную базу. Ничего, кроме разрушительных последствий, такое насилие над объективными общественно-экономическими закономерностями, по мнению «большевиков-ленинцев», дать не могло.

Глубокие расхождения между официальным и оппозиционным коммунизмом по вопросу о коллективизации прямо вытекали из фундаментального идеологического противоречия между ними – по вопросу о «социализме в одной, отдельно взятой стране». Сталинский «великий перелом», включая «сплошную коллективизацию», оппозиционеры характеризовали как плод теории социализма в одной стране, «переключенной на третью скорость», то есть попытку форсированной реализации утопии «замкнутого, самодовлеющего национального хозяйства» [\[36\]](#). По мнению самих «большевиков-ленинцев», для полной социалистической трансформации сельского хозяйства необходима была настолько высокоразвитая производственная, материально-техническая база, что она могла быть создана лишь в международном масштабе, в результате объединения социально-экономических потенциалов ведущих стран мира – по крайней мере, в европейском масштабе. Мысль о возможности быстро перескочить в социализм в рамках отсталого в социально-экономическом отношении СССР была им абсолютно чужда.

Таким образом, доктринальные истоки сталинской коллективизации заключались не в заимствовании идей левой оппозиции, а в логическом развитии концепции изолированного социалистического общества – доктрины, которая освобождала политику партийно-государственного руководства СССР от всяких идеологических ограничений марксистского характера и открывала возможность для постановки социальных экспериментов любой степени радикальности и любого масштаба.

Библиография

1. Сталин И.В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Сочинения. М., 1949. Т. 12.
2. Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1992.
3. История России. XX век // Под ред. А.Б. Зубова. М., 2010.
4. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической Академии. 1924. Кн. 8.
5. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
6. Марецкий Д. Ревизия ленинизма «слева» //Большевик. 1925. №19-20.
7. Карр Э. История Советской России. Социализм в одной стране. 1924-1926. М., 1989. Т. 1.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. М., 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929.
9. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.-Л., 1928.
10. Сталин И.В. Беседа с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. // Сочинения. М., 1949. Т. 10.
11. Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) (Кризис партии и пути его преодоления) // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. М., 1990. Т. 4.
12. XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.-Л., 1929.
13. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1994.
14. Итоги XVI партконференции (Тезисы, утвержденные всесоюзным центром большевиков-ленинцев оппозиции). //Центральный архив [далее – ЦА] ФСБ РФ. Ф. 2 Оп. 7 Д. 26. Материалы (письма, статьи, листовки и др.) оппозиционеров, изъятые при арестах в 1929 г. Т. 1.
15. Троцкий Л. К 12-й годовщине Октября // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 7.
16. Cliff T. Trotsky: the darker the night the brighter the star. L., 1993. Vol. 4: 1927-1940.
17. [Сосновский Л.С.] Четыре письма из ссылки //Бюллетень оппозиции. 1929. № 3-4.
18. Троцкий Л. Экономический авантюризм и его опасности // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9.
19. Обращение оппозиции Большевиков-Ленинцев в ЦК, ЦКК ВКП(б) и ко всем членам ВКП(б) // Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18.
20. Троцкий Л.Д. Скрип в аппарате. Популярное разъяснение о левых и правых // Бюллетень оппозиции. 1930. № 11.
21. Троцкий Л.Д. К капитализму или к социализму? // Бюллетень оппозиции. 1930. № 11.
22. М.Р. Письмо из района сплошной коллективизации //Бюллетень оппозиции. 1930. №

- 11.
23. А.Т. Коллективизация в натуре. Положение на селе после «сплошной» (Письмо из деревни) // Бюллетень оппозиции. 1930. № 14.
24. Григоров Г.И. Повороты судьбы и произвол. Воспоминания. СПб. 2010. Кн. 2. 1928-1972 годы.
25. Ярославский Ем. О новейшей эволюции троцкизма // Большевик. 1930. № 7-8.
26. Фокин А. Тетради Верхнеуральского политического изолятора: представление источника и размышления о его значении // Ab Imperio. 2017. № 4.
27. Ф. С-ОВ, А.Г. Тезисы по экономполитике (к общеколлективной дискуссии). Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
28. Дингельштедт Ф. Попытка краткого политического обзора за период от XV до XVI съезда. К XVI-му съезду ВКП(б) // Бюллетень оппозиции. 1930. № 12-13.
29. Кризис революции и задачи пролетариата. Раздел VI. Сельское хозяйство. Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
30. Тонов. Похмелье от «экономического октября» // Бюллетень оппозиции. 1932. № 31.
31. Л.Т. Советское хозяйство в опасности! (Перед второй пятилеткой) // Бюллетень оппозиции. 1932. № 31.
32. Письма из СССР // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9.
33. Невельсон М. Новый этап и наши задачи // Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 2 Оп. 7 Д. 26: Материалы (письма, статьи, листовки и др.) оппозиционеров, изъятые при арестах в 1929 г. Т. 1.
34. Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Платформа «Союза марксистов-ленинцев» («Группа Рютина») // Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991.
35. Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в первой половине 30-х гг. // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000.
36. Кризис революции и задачи пролетариата. Раздел I. Стратегическая линия пролетарской революции. Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.